Автор: Власенко И. (Россия)

Две сказки, сочиненные и поставленные за один вечер
в театре-группе «Моя семья: чужие и свои»)

Из соображений конфиденциальности имена и некоторые личные данные в статье изменены.

Рано или поздно это должно было случиться: экзистенциальный театр пришел к Сказке. От пьесы-притчи «Я пришел» (Н. Халезина) до собственно сказки — рукой подать. Недаром же главный герой пьесы, Гвидо — мужчина лет сорока, сочиняет сказки для дочери, рассказывает вечернюю сказку жене и, наконец, сказка становится делом его жизни: он пишет обо всем этом книгу. Взрослым очень нужны сказки! Нужны истории о реальной жизни человека, но обязательно со счастливым концом. А почему бы и нет? Разве не таков был замысел Творца? Так почему же мы не верим Ему? Почему даже в минуты наивысшего счастья оглядываемся суетливо: «Как бы чего не вышло?»

Приобщаясь к сказке, человек подступает к истинным и сокровенным знаниям, которые проявляются через фантастические и знакомые с детства образы, но наполняются новым содержанием. Сказка возвращает человеку потерянную было

ясность, придает сил, наполняет смыслом его бренное существование. Как же к этому источнику не обратиться? Вдохновляясь оптимистичным афоризмом Карлсона (из сказки Астрид Линдгрен в переводе Л. Лунгиной) о том, что «фантазии не бывает только у тупиц», мы и приступили к сочинительству сказок. Но все же, не в полной мере доверяясь собственным силам, обратились к профессионалам...

Теоретической основой сочинительства стала книга Джанни Родари (1920-1980) «Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй». В ней итальянский сказочник обращается к труду известного советского фольклориста Владимира Яковлевича Проппа (1895-1970) «Морфология сказки». Пропп изучал структуру и происхождение сказки. Родари на основе его открытий создал «инструкцию по изготовлению» сказок с детьми: «Проанализировав структуру народной сказки, причем особенно тщательно — ее русский вариант (являющийся в значительной мере частью индоевропейского наследия, к которому принадлежат также немецкие и итальянские сказки), В.Я. Пропп сформулировал следующие три принципа:
1. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. 2. Число функций, известных волшебной сказке, ограниченно. 3. Последовательность функций всегда одинакова».

В.Я. Пропп выделил тридцать одну функцию действующих лиц. Для работы в театре мы отобрали двенадцать основных (в практике такой шаг допускается) — это путеводная нить к сочинительству. Но в нашей работе есть существенное отличие от традиции: народная сказка проходит с героем путь ДО свадьбы, а экзистенциальная группа — ПОСЛЕ. Ведь тема терапевтической группы — «Моя семья: чужие и свои». Итак, отпускаем наших героев:

Перед участниками группы поставлены вопросы. Изначальный: У кого есть семья? (Не так-то он оказался и прост, этот вопрос). Кому нужны изменения в жизни? Кто чувствует, что в его жизни что-то не так? У кого нет полной ясности в том, что происходит в его жизни? Кто такие «чужие» и «свои» в его жизни? Кто готов пойти дальше и задать ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОПРОС: «Если я хочу изменений в своей жизни, то ради кого или чего я готов это сделать?» Кто готов к тому, чтобы дать нам начальные

знания о возникшей трудности? Так, сужая круг, уточняя запросы, пришли к тому, что актуальными для большинства стали две темы. Значит, будут ДВЕ СКАЗКИ.

□□□□ Первая сказка

История, заявленная ПЕРВОЙ участницей группы (Мария, живет с мужем двадцать лет, у них взрослая дочь). Пять лет назад Мария снова забеременела и хотела родить ребенка. Случился выкидыш. Муж уехал в командировку. Лежала в больнице, а муж не навещал, ссылаясь на работу. С тех пор «что-то сломалось» в их отношениях. «Может быть, он и переживал, не знаю. Стал чужим, не могу простить».

Запрос: Можно ли простить мужа, можно ли считать его «своим»?

Мария выбрала из группы трех «своих» человек, кто, на ее взгляд, мог бы быть полезен в сочинении терапевтической сказки. Четыре участника увидели в представленном случае «свое». Плюс одна участница — Татьяна, сделавшая запрос на сказку о себе, но участвует в сочинении сказки для Марии. Итого: восемь сказочников-актеров для Марии.

Красный шиповник — разлуки виновник
(Сказка для Марии)

В некотором царстве, некотором государстве жили-были Король с Королевой. Жили они счастливо, горя и беды не знали. Король часто ходил войной на соседние государства и неизменно возвращался домой с победой. Не было равных ему в силе, отваге и мужестве. Но справедлив был Король, за что был любим своим народом. А потому королевство росло и крепло с каждым днем.

Однажды Королю предстоял особенно важный и трудный поход. Король соседнего королевства (тоже бравый муж) объявил войну нашему Королю. Собрал тогда он лучших своих воинов, дал им лучшие доспехи, оседлал своего верного коня и отправился в путь.

Прощаясь с Королевой, Король нежно обнял ее и сказал: «Дорогая жена, я вернусь в этот раз. И вернусь непременно с победой. Но бой предстоит сложный. Даю тебе завет: ухаживай за нашим волшебным садом роз — поливай его, холь и лелей. И главное: не допусти, чтобы какое другое растение взошло в этом саду нашей любви. Каждый день посылай мне по одной розе в знак своей любви и верности. И каждый раз роза из нашего сада будет давать мне сил и мужества — и приносить победу. Верь мне, моя дорогая». Сказал это Король, поцеловал крепко жену и уехал.
Жена заскучала о нем, и поначалу делала все, как говорил ей супруг: поливала цветы, пела в саду их любимые песни и каждый день неизменно посылала любимому алую розу. Таков был его завет.

Но вот однажды грянула беда — откуда не ждали... Цыганка проходила мимо сада и, увидев дивные розы, позавидовала любви Короля и Королевы. Завидев Королеву-садовницу, она приблизилась и сказала вкрадчиво и ласково: «Зернышко чудное даю тебе. Посади его в своем саду, и ты увидишь цветы небывалой красоты. Страсть приносят они. Аромат их будет уносить тебя до небес, и ты будешь вовек счастлива». Сказала так и исчезла. Как будто ее и не бывало.

Королева решила, что муж далеко и не увидит ничего. К тому же новый цветок с дивным ароматом вряд ли испортит сад, а уж она-то задобрит супруга букетом из новых цветов. К тому же совсем заскучала Королева, извелась и даже похудела от тоски по мужу, и ей хотелось чего-то нового и красивого.

Посадив волшебное зернышко, Королева обнаружила, что растет оно с небывалой быстротой. И вскоре уже почти весь сад был опутан колючим тернием дикого шиповника. Аромат его был поистине волшебным и имел колдовские чары. Запах стал таким сильным, что Королева, вдыхая с рассветом аромат, впадала в забытье и забывала обо всем на свете. С нею был только этот чарующий аромат. И только по ночам видела она во сне своего любимого мужа. Но с приходом утра образ его становился все прозрачнее, и уже через несколько минут после сна, вдыхая чарующий запах, она забывала Короля.

А тем временем Король, перестав получать розы из чудного сада любви, становился все слабее. Предчувствие беды охватило его. От невыносимой тревоги силы покидали его, и он чах на глазах. Одно за другим терпел он поражения. Он, который до этого был рыцарем без страха и упрека, не знавший вкуса поражений. Вскоре враг совершенно разгромил его, он потерял свое войско, в бою пал его верный конь, и сам он был многократно ранен.

Домой пришлось ему возвращаться пешком в окровавленной одежде и с предчувствием непоправимой беды. Увидев на горизонте свое королевство, он воспрянул духом. «Здесь, дома, я увижу свою милую, наберусь сил, согреюсь, залечу раны и нанесу решающий удар по врагу. Мое поражение будет отомщено», — так размышлял Король, приближаясь к замку. Но подойдя ближе, Король увидел неутешительную картину: на месте сада любви, того, который он завещал хранить супруге, был заброшенный, заросший сад, весь во власти дикого шиповника.

Горько заплакал тогда Король: «Эх, милая жена, что же ты наделала? Почему ослушалась меня?» В отчаянии Король достал свой меч и бросился рубить ядовитый сорняк. Но колдовской куст разрастался тут же: стоило срубить ветку, как на ее месте появлялась новая, еще более сильная. Иглы шиповника впивались Королю в руки, ноги. Иногда, острые и длинные, они вонзались так глубоко, что, похоже, вот-вот могли пронзить само сердце.

Услышав странный шум, Королева подошла к окну замка. Перед ней предстала странная картина: чужой мужчина в окровавленной одежде, пеший, пытается сквозь терние пробраться через сад ко входу в замок. Что-то до боли знакомое показалось Королеве в нем. И тут внезапно вспомнила она своего супруга. Того, кого видела уже лишь во снах, образ которого стер из памяти колдовской аромат. По-новому взглянула она на волшебный цветок и увидела вдруг безобразно разросшийся сорняк, который задушил все розы, что росли в саду.

Бросилась она навстречу Королю, царапая в кровь руки и ноги. Подбежав к нему,

она сказала со слезами: «Здравствуй, милый! Я так давно ждала тебя!» «Кто ты — женщина? — Удивился Король, — Я тебе не милый. Дома меня ждет моя жена — Королева, а тебя я не знаю вовсе. Но добр буду к тебе, потому что вернулся домой и вскоре встречусь со своей женой. Разрешаю тебе поработать в нашем саду: вырвать и уничтожить весь сорняк, чтобы мы с Королевой снова могли засадить сад розами — цветами нашей любви».

Кротко приняла Королева сказанное, не стала перечить. Поняла свою вину перед мужем. Но сорняк, сколько ни вырывай, вырастал пуще прежнего. Лицо Королевы потемнело от солнца, руки ее были натружены и исколоты иглами ядовитого терния. Но неизменно, день за днем, она снова и снова вступала в борьбу с ядовитым кустом. Однажды, поняв тщетность своей работы, Королева вновь стала сажать розы. «Розы сильнее сорняка», — подумала она. И стала каждый день, с раннего утра до позднего вечера, сажать розовые кусты. Наконец роз стало так много, что сорняк не смог не то чтобы прирастать заново, но даже сохранить оставшиеся слабые побеги. Он постепенно зачах, засох, а вскоре его и след простыл.

Король был в отчаянии от таинственного исчезновения Королевы. Но вот однажды утром в окно замка донесся красивый и как будто знакомый голос. Он подошел к окну, чтобы лучше расслышать, как льется из сада чудесная песня. И тут Король увидел прежний сад с его любимыми розами. Он был еще краше прежнего, розы в нем были цвета любви и нежности. Словно пелена спала с его глаз, и Король увидел в садовнице, ухаживающей за цветами, свою жену — Королеву. Выбежал он к ней, бережно взял ее израненные и натруженные руки в свои и встал на колени. Долго плакал Король, плакала и Королева.

Это были слезы счастья и любви. Король и Королева снова были вместе, несмотря на войны, поражения, дурман и колдовские чары. С тех пор они никогда не

расставались. Ухаживать за розами в саду любви было им в радость, как и прежде. Жили они долго и счастливо. А розы их сада были так прекрасны, что ни одна сорная трава не могла там ужиться дольше, чем на один миг. Цветы этого сада Королева и Король дарили всем новобрачным. И каждая невеста знала, что если в ее букете есть хотя бы одна роза из сада любви, значит у нее с любимым впереди большая и светлая жизнь.

Присмотритесь к цветам, что дарите вы или дарят вам. Вдруг и в этот букет попал цветок из чудного сада любви. Жаль будет его не заметить.

Послесловие.

Итак, группа из восьми человек сочинила эту сказку примерно за полчаса. Столько же времени ушло на работу с постановкой сказки. Я подходила к группе лишь несколько раз, прислушиваясь. Попросила обратить внимание на слова Марии: «Может быть, он и переживал...» Мужчины переживают как-то иначе. Главный сказочник — Х. — выразительно читал сказку, остальные участвовали в постановке. Наиболее яркая актерская работа — N. в роли Короля. Когда он, возвращаясь побежденным с войны, продирался сквозь кусты сирени, «саблей» прокладывая путь, отрубленные листья летели на участников и зрителей, и было по-настоящему страшно, и были понятны страдания короля. Трогательной и щемящей была встреча Короля и Королевы. Затем было обсуждение первой сказки. Сначала — видение Марии: что увидела в сказке? Что прояснилось? Мария сказала о нескольких абсолютно точных попаданиях в сказке. «Как будто бы знали, как это у нас бывает». Муж говорил, точно как сейчас в сказке: «Чужие совсем». Я попросила ее встать и сказать Королю то, что хочется. Или сделать что-то. Лучше сделать. Мария не поднималась с кресла. Я слегка подтолкнула ее в спину. Она пошла к Королю. Потом они обнялись. Потом она долго не могла перестать плакать (а с нею и группа). Потом она стала говорить о любви к мужу и о том, как она устала от этой отчужденности. В заключительном круге она сказала: «О, это важное выталкивание с кресла!» Всем было задание дописать сказку в дневниках, а Главному сказочнику принести переписанную набело сказку мне утром. Что и было сделано.

Вторая сказка

История, заявленная второй участницей группы (Татьяна, имеет дочь, которой двадцать три года). В семье были хорошие, теплые отношения. Потом у девушки появился молодой человек. Стал приходить к ним, но отец (муж Татьяны) сказал ему что-то нелицеприятное, а дочери дал понять: «Не тот зять, чужой». Дочь закрылась, с матерью перестала быть откровенной, все чаще уходит из дома, встречаются у молодого человека. Однажды дочь заболела, а ее друг был рядом, помог справиться с недугом. Родители узнали об этом, даже пытались как-то наладить отношения с дочерью, но она все отдаляется. Происходит отчуждение.

Запрос: Как восстановить отношения с дочерью?

Татьяна выбрала из оставшейся группы трех «своих» человек, кто, на ее взгляд, мог бы быть полезен в сочинении терапевтической сказки. Еще пять человек посчитали, что этот случай близок им в той или иной степени (можно было перейти в первую группу). Плюс одна участница — Мария, сделавшая запрос на сказку о себе. Но сейчас она участвует в сочинении сказки для Татьяны. Итого девять сказочников-актеров для Татьяны.

Сказка про Царевну и Ивана-лекаря,

или Проводы старого и встреча с новым
(Сказка для Татьяны)

В некотором царстве в некотором государстве жили-были царь с царицею. Хорошо, надо сказать, жили. До того жизня ихная ладная да гладкая была, прям как пасхальное яичко. Щастя у их было немеряно, прям со всех щелей так и перло, а само главно щасте-то было — прынцесса ейная, девка на выданье, — шибко умная, и красавица, и хозяюшка, та и в институти благородных девиц сама перва ученица. И така ж идиллия у прынцесы с маман была: аль обсудить чаво, или там журнальчики полистать, до театру сходить, помузицировать по вечерам в гостиной — ну все в лад, царь-батюшка дажить прослезился не единожды от умиления.

И вот однажды царское семейство отпустило свое сокровище на party. Так вот прям и доверились дочуре, девка, дескать, смирная, ответственная, и без телохранителя сходит, только чтоб в десять вечера дома-то была.

Да не тут-то было: тут и одиннадцать, и двенадцать — не идеть кровинушка, и никаких прызнаков жизни не подаеть. Царь чуть войско у ружжо не поставил — ан, глядь, плыветь ихная лебедушка, а рядом с ней... холоп поганый. Царь от такой борзоты холопской чуть не поперхнулся: «Та как же ж ты посмел, пес смердячий, лапу свою на, так сказать, национальное достояние наложить? Девку испоганить вздумал?! В темнице тебя, гада, сгною!» Царыца белугою рыветь. Фрейлины вокруг парня прыгають, готовые глаза выцарапать, перья повыщщипать. Такой трам-тарарам образовался — жуть. А царевну как околдовали: «Маменька, папенька, не серчайте, познакомтеся — это Ваня, он самый лучший на свете». Царь со злости собственную шляпу чуть не проглотил, слышать ничего не хочет, по-бырику его с лестницы спустил и ворота — на засов. Да только ничем это царской семье не помогло — кошмар поселился в ней плотно и надолго.

Прынцеса уж не та: с маменькой-папенькой не лобызается, все с подружками шепчется, брешеть, поганка, к Ваньке на свиданку бегат, плотника чуть до смерти не замордовала, пока тот замок с секретом заморским на ейные палаты не поставил. Царь с царыцею дочку-то не видють, жизни нету, друг другу спротивели, грызуца как собаки — не жисть, а прямо ад кромешный. А тут ишо до скандалу собиралися всем семейством летом на воды — ну, знамо дело, царевна щас в истерику, наотрез отказываца: «Хоть в темницу, а никуда не поеду!» Погоревала царская чета, погоревала — ну, чё ж, царевну запретом не ограничишь, другую не назначишь, а и ихнаи отношения рушатся: родина прям в опасности.

Бросили Отечество на министров, да и укатили за границу на воды. А причукикали у ентую Бусурманию — тебе точно рай. Прям молодость к ним возвернулася — нежаться-милуються, морем-окияном любуються. Все было хорошо, да только недолго: глядь, курьер бусурманский депешу волочеть. Прочитали, свет не мил стал: сокровище-то ихнае, доченька единственная, солнышко ненаглядное заболела болестю опасной и доселе неизведанной, и никто из царских лекарей помочь кровинушке не может.

Царь хотел уж голову им с плеч, да кто хоть как-то поддерживать лапушку будет, вовремя одумался — бегом на ковер-самолет — та он гад не поднимается в небо — крычить: «Ты, царь, курил, дырку на мине прожег, пока с царицею не залатаете — никаких воздушных перевозок». А царица в ентом деле дура-дурой, та еще и руки от страха за дочку трусятся, царь плюнул, да и стал зашивать сам, а ковер крычить ему все равно: «Убери руки свои топорнаи, хочу внимания и женской ласки». Ну кой-как царь сподвиг царыцу на штопку, да только долго она возилася, царыца ить, непрывычная. А царская охранка с Родины докладат: лежит у палатах ихная девка, а подле нее холоп неотлучно находится и лекаря ей заморского нашел. Вместе болезню, соопча одолевають. А родителев опять побоку.

Собрали силушки свои царь с царицею, подладили наконец ентот капризный казенный инвентарь и полетели с Богом до домочки. Переправились на родимую сторонушку и прямиком к царевне. А не тут-то было: докторица заморская ногами топат, глазишшами из-под лорнету блястить, «ху из ыт?» ореть. Царь, конечно, закипел, свое обычное толдыкаеть — голову с плеч. Да палач не спешит: царь, глядишь, охолонет, а голову лекарскую назад не приставишь, а тады и своею можно поплатиться. Послал за толмачем. Пока того доставляли, откуда ни возьмись Ванька нарисовался, а лекарша Ваньку увидела, прям у фэйси поменялася: «Вот же герой государственный, спас особу царскую от смерти лютои, а вы-то чё такое важное делали, что рядом с дочерью вас не было?!» Да только чё иносранке объяснять! Спасибо и за то, что государственного переворота в ихнае отсутствие не случилося.

Увидела царыца доченьку свою здорову и невредиму, и такой прыступ благодарности на нее напал, что прыгнула на Ванькину грудь с разбегу, да как заголосить: «Прости, Ванюша, не разглядели мы твою душу, спасибо за доченьку!» Царь от досады аж крякнул, но шубу соболину со своих плеч пожаловал — ну не пол-царства же холопу отдавать — чё он с им делать будеть? Царевна-то как увидела все, умилилася, срочно выздоровела, облобызала родителев, и стали они жить-поживать и добра наживать. Кто хорошо, а кто по-разному. Но то будеть уже другая сказка.

Послесловие.

Итак, группа из девяти человек сочинила эту сказку примерно за полчаса. Столько же времени ушло на работу над постановкой сказки. Я пару раз подходила к группе. Сказала о том, что, когда сказка будет написана, нужно правильно ее назвать. Обратила внимание на слова Татьяны: «Дочь закрылась». Главный сказочник — У. — читал сказку эмоционально и выразительно, остальные (по мере сил) представляли ее. В сказке главная героиня — дочка на выданье — была «в двух лицах» (два человека

представляли героиню): до размолвки с родителями и после. Родители «вторую» не узнавали и не признавали, и лишь после истории ее чудесного выздоровления приняли ее как «свою». В сказке было много смешного, она высмеивала непонятливых родителей. Татьяна долго была эмоционально закрытой, и все же в конце сказала, что увидела несколько стопроцентных попаданий. «Вторая» дочь стала ей ближе. Было дано задание сделать дневниковые записи, а главному сказочнику утром принести мне переписанный набело вариант. Сказочник сделал это к следующему утру, но зато в электронном виде.

Послесловие к послесловиям.

Наверное, можно было бы попросить сказочников этот совместный творческий продукт переслать участникам группы по электронной почте: «Что написано пером, не вырубишь топором». А может и не надо: пусть у каждого останется их собственная устная (как и положено) версия сказки. Надо было бы задать вопрос Марии и Татьяне: «Было ли им полезно участвовать в чужой сказке, в то время как другие люди ставили сказку для них?»

Такое вот у нас в театре новое дело.

Продолжение следует. Следуйте и вы, если хотите...